

Научно-теоретический и практический журнал

СОВРЕМЕННЫЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

№ 42 (238) 2014

Серия:

Педагогические науки

Психология и социология

Филологические науки

Научно-теоретический и практический журнал

СОВРЕМЕННЫЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

№ 42 (238) 2014

Серия:

*Педагогические науки
Психология и социология
Филологические науки*

Главный редактор: д.п.н. Фоменко Г.З.

Редакционный совет: д.п.н. Демьяненко Г.А., д.п.н. Лавров И.С.,
д.псих.н. Ульянова Р.П., д.псих.н. Головачев О.Н.,
д.п.н. Захаров Ю.Ф., д.п.н. Луценко Р.В., д.п.н. Ковальчук А.П.,
д.псих. н. Моисеев К.К., д.п.н. Курбанов А.И., д.соц.н. Стадник Р.О.,
д.соц.н. Долгов Г.А.

© Руснаучкнига, 2014
© Коллектив авторов, 2014

<p>Ответственный редактор: Екимов С.В.</p> <p>Технический редактор: Гордашевский В.Б.</p> <p>Дизайн и верстка: Щаценко И.Г.</p>	<p>АДРЕС РЕДАКЦИИ:</p> <p>308023, г. Белгород, пр. Б.Хмельницкого, 135/69а</p> <p>Тел./факс (4722) 358009E-mail: belgorod@rusnauka.com</p>	<p>Редакция не несет ответственность за точность приведенных фактов, статистических данных и иных сведений</p> <p>Любое воспроизведение или размножение материалов данного издания без письменного разрешения редакции запрещено.</p>
--	--	---

Черипко Сергей Иванович

Институт доуниверситетской подготовки
Национального авиационного университета
г. Киев, Украина

МНОГОКРАСОЧНЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР ПОЭЗИИ МИХАИЛА ДРАЙ-ХМАРЫ

В статье проведен анализ лирических произведений Михаила Драй-Хмары через призму личной судьбы и особенностей изображения лирических образов; показаны поэтические способы и приемы строения образов лирических героев; охарактеризованы основные особенности мастерства – изображать красочные компоненты описания трагической эпохи с преобладанием светлых красок.

Ключевые слова: художественный мир, краски, духовность, ренессанс, лирический образ.

The article considers the analysis of lyric pieces by Mykhailo Dry-Khmara in the light of personal destiny and peculiarities of rendering lyric images; suggests poetic means and techniques of creating lyric characters; characterizes main features of the author's mastery to depict vivid descriptions of the tragic epoch in predominant bright colors.

Keywords: artistic world, color, spirituality, the Renaissance, lyric image.

Полное и всестороннее осмысление феномена XX века в судьбе украинского народа возможно только при раскрытии ее художественного восприятия и выражения в творчестве художников той трагической поры. Процесс исследования содержания художественных произведений эпохи «расстрелянного возрождения» определяется все полнее. Значительно меньше внимания обращается на то, чтобы осмыслить тогдашние события через художественное воспроизведение художником как человеком, который попал в обстоятельства жуткого античеловеческого времени, на то, чтобы рассказать, как противостоит высокое, человеческое – бесчеловеческому.

Творчество Михаила Афанасьевича Драй-Хмары подает в этом контексте чрезвычайно выразительные примеры, оригинальные в своем художественном выражении. Общизвестный уже упоминавшийся выше факт или легенда о трагическом величии его последнего шага в бессмертие: он становится на место юноши, обреченного на расстрел. Едва ли не единственный пример такого порядка из известного нам теперь о философии ГУЛАГа: пусть умрет сегодня кто-то – не я. Ее как горькую и беспощадную исповедь о своем грехе сформулировал в телевизионном интервью академик Дмитрий Лихачев: в подобной ситуации он спрятался за поленицей – расстреляли другого.

Юрий Шерех, анализируя художественное выражение того времени, говорит о том, что сам синтез ее он видит у «Вертепе» Аркадия Любченко. Критику видится художественный образ той послереволюционной эпохи в цветах «безудержных огней». Правда, в оценке украинского ренессанса он выходит из определения его как следствия событий 1917 года и так называемого процесса украинизации, которая якобы происходила с благословения и при поддержке большевистской власти, в частности украинских большевиков.

Краткий период семи лет после октябрьского переворота Юрий Шерех называет эрой развития украинской духовности. Он отмечает, что «... в те промежуточные годы словно все силы нации сосредоточились на ее духовной жизни, перешли в ее культуру, в создание культурных ценностей» [4, с. 138]. При этом однако заметим, что существует другая точка зрения, согласно которой буйство «цвета безудержных огней» (Ю. Шереха) было уже костром, аутодафе украинской культуры, а настоящий ренессанс произошел значительно раньше и, как каждое синтетическое явление, имел свою генезу и достаточный для полноценного развития период – конец XIX и начало XX века.

К исканиям писателей, адептов революционных событий, которые связывали с революцией особую радость и надежду, сторонники такого мнения относятся несколько иначе, иногда может и слишком критически.

К ним относится, в частности, выдающийся педагог Григорий Ващенко. Политическим катализатором национального ренессанса, на его взгляд, была революция 1905 года с ее относительными общественными свободами как необходимым условием расцвета творчества. Ренессанс не является каким-то внезапным явлением, а должен иметь глубокие корни в духовном прошлом народа и быть, как говорит Г. Ващенко «синтезом нескольких начал, охватывать собой все области культурно-материальной жизни народа и сочетать, быть синтезом элементов украинского народного творчества и лучших достижений новой европейской культуры» [1, с. 16].

Рядом с гением Павла Тычины Григорий Ващенко ставит творчество украинских неоклассиков как высшее проявление украинского ренессанса XX века. Осматривая с такой точки зрения жизни и творчество одного из неоклассиков – Михаила Афанасьевича Драй-Хмары – наблюдаем, что духовные очертания его личности и образ послереволюционной эпохи, созданный им, в большей степени укладывается в модель ренессанса, рассказчиком которой выступает Григорий Ващенко. Речь идет о ренессансе в широком, а не только литературно-художественном смысле, хотя нашел этот талант свой яркий выражение в поэтическом слове.

Неудивительно, что имел свое, отличное от национальных адептов революции понятие о сущности происходящего. Имел, как всякий художник, свое видение нынешних и будущих результатов катаклитических событий, свои ощущения и восприятия. Возврат в Украину, таким образом, сам по себе был поступком лично незаурядным, актом гражданского самовыражения М. Драй-Хмары.

Поэт имел уже устоявшееся понятие о непобедимости духовного начала над обыденным, видел сквозь его призму видимый мир, носил в сердце и творил словом изменчиво-прекрасную голубовато-золотую картину собственного видения настоящего мира.

Этим определялись характер творчества, ее стилевые характеристики и само поведение художника. В различных условиях и страшных реалиях того времени он вновь и вновь стремится постичь бесконечность мира, его духовные параметры, величие мировой культуры. Снова и снова происходит непрерывное стремление – восхождение поэта к вершинам человеческого духа, где определяется его истинная стоимость. Не случайно во время последнего свидания с женой, как пишет Виктор Петров, он сказал: «Я прошел через все, но ничего не сказал ни на себя, ни на других» [3, с. 65].

То, что поместило в себе короткое, но такое свинцово трудное слово «все», составляет в творчестве Михаила Драй-Хмары особую, мало исследованную страницу. Стихи, в которых передано ощущение времени или где оно предстает в страшных видениях сна, в образах, передают его ужасную сущность, занимают в общем поэтическом массиве его творчества сравнительно немного места. Но по силе художественной правды, точностью определения они воспроизводят всю античеловеческую сущность времени, являясь его художественным свидетельством-обвинением, документом мощной силы, выразительности и глубины. Речь идет прежде всего о поэме «Медведь-гора» с ее апокалиптическим библейского мотива зверем и особенно о стихотворении «Кошмар».

Художественная рецепция политических реалий времени, как отмечалось выше, проходит в сравнительно небольшом количестве стихов. Симптоматично, что в мотивах и образах не прослеживается определенной системы. Большинство стихотворений раскрывают нам лирического героя как бы вне времени. Он избегает его восприятия, не стремится понять сущности, которой, знает, нет и не может быть. Царит хаос беззакония, безумие насилия, слепая страсть ненависти. Время врывается в сознание автора и отзывается болезненным словом в моменты отчаяния и уныния, а потому ее художественная ипостась выражена, преимущественно в своей наиболее античеловеческой сути: голодомора, насилия, смерти и т.д.

Вопреки остро трагической действительности, лирический герой воспринимает мир через благородные голубовато-золотые цвета, гармоничные звуки природы, прекрасную, совершенную и богатую мелодику родного слова. Видится в этом постоянное стремление красоты, потребность ее как условия глубокого осмысления сущности человеческого бытия, которое можно понять на высотах философского созерцания вселенной. Но чувствуется и стремление абстрагироваться в покой как бегство, как своеобразное спасение от страшных реалий жизни.

Любовь ко всему, что суще, поиски гармонии со всем и всеми – такое общее настроение охватывает читателя уже при первом знакомстве со многими строками ранних стихов Михаила Драй-Хмары.

С гордо поднятой головой, достойно, как подобает человеку, готов встретить общественную бурю лирический герой. Он благословляет себя вместе с Украиной на «путь проклятую», попивая вместе с ней «с полного ведра» «горечь этой муки».

Аллегорический образ художника в передсоветском обществе создает М. Драй-Хмара в поэзии «По клетке кованой», сравнивая его с порабощенным в клетке леопардом, которому среди человеческой веселой беззаботности, смеха, разговоров снятся джунгли непроходимые, где цветут пышные нарды, лотосы, где свобода и нет суеты.

Видение непогоды предстает уже достаточно отчетливо в поэзии «Над озером жидкий туман», написанной в 1927 году. Здесь «граб сквозь серый караван темнел, как виселица черная. На нем колыхались трупы ...» [2]. Это только казалось поэту. Но уже к сердцу подступала ему «скука старая, которая ... сосала сердце» [2]. Сквозь туман виднелась «мара», приближался – слышало сердце отзывчиво – «демон седой руины».

Характеризуя эту пору, Виктор Петров в книге «Деятели украинской культуры – жертвы большевистского террора» отмечал: «Но нигде и ни в чем уничтожающие тенденции большевизма не проявились так остро, с такой, сказать, неотразимой окончательностью, как в отношении к украинской интеллигенции» [3, с. 31]. Массовые расстрелы были признаком времени. Каждое политическое мероприятие обязательно сопровождали масштабные террористические меры. Украинскую интеллигенцию уничтожали систематически и последовательно.

Страшное видение этого периода, художественно сублимированный образ эпохи подает М. Драй-Хмара в стихотворении «Кошмар» [2], точным выразительным словом означает ее сущность. В этом произведении использован образ сна, будто навеванное автору бессонной ночи мигающими пятнами на соседней стене («пестрый стена дрожит, как махаон ...») и «тень на нем вьется, как змея»), глухими звуками ночного города, душно-тяжелыми ароматами жасмина.

Чрезвычайно выразительно передает автор чувство тревоги, предчувствие беды, ужас перед ее большой неотвратимой стремительной силой. Страх поднимает в человеке инстинкт бегства, будит стремление спасения. Символично, что спасения ищет лирический герой на косогорах, бежит вверх, подальше от душного города с его призрачными ночными огнями, смрадным смогом и узкими улочками, убежать спешит «от боли, от обид, от гнева и злобы».

Образ апокалиптического фантастического зверя нарисован с такой выразительной художественной силой, что читателю он видится зримо, слышится его отвратительная злая сила, уродливая суть суггестивно воспринимается отчаянием человека, обреченного погибнуть в объятиях жестокого бездушного чудовища. Его гигантских очертаний не может постичь человеческий глаз.

В литературе мало есть произведений, где так лаконично, с такой силой художественной выразительности показано соревнование человека при жизни, где бы

такими ужасными, но точными дефинициями и в такой совершенной аллегории передавалась картина жестокого досоветского времени. Вот уже человек якобы побеждает чудовище, казалось, может передохнуть. И вдруг полупрозрачная мгла раскрывает необъятную страшную глубину – а это реальность того времени.

Поэма датирована 1930 годом. К личной трагедии, когда дважды подвергался аресту М. Драй-Хмара, еще было несколько лет. Однако именно такой сценарий борьбы с чудовищем тогдашнего режима суждено пережить поэту. С первым арестом он силой духа поборол чудовище-следователя НКВД. Три месяца длился поединок. Один из немногих, поэт не подписал ни одного признания. Его были вынуждены отпустить. Но вскоре второй арест стал тем падением в пропасть, откуда не было уже возврата. Свершилось предсказание, начертано пророческой рукой собственного художественного воображения автора. Но это было падение не побежденного, а победителя. Сила духа оказалась неистребимой. Поэта поломали физически. В одном из писем к жене он писал, что, когда изнемогает от изнурительной работы, его подвешивают, чтобы не упал: на ногах уже стоять не было сил. Но добыто моральную победу. Свидетельством ее – полные любви к миру и бытия стихи, как и само высокое величие добровольного шага в сторону смерти. Верится – это не было легендой.

Поэт покинул еще один художественный образ эпохи: фигура катаклитического чудовища-медведя, который послан Богом в наказание жестоким чиновникам, которые не считались с человеческими судьбами и жизнями. Характерная деталь (или случайная?): Чудовище-медведь идет на государство, где затоптаны человеческие законы, с севера. Он надвигается неумолимо, уничтожает все на своем пути, обращает в прах. Картина алокалипсиса изображена в этом стихе впечатляюще. Ломился лед, с обледенелых берегов выходили потоки, крушило «столетние сосны и дубы высокие», шум катился «стоустым эхом, словно ревущий ураган летел». Всюду несла смерть огромная чудовище. Красная кровь лилась, и багровым становился снег. Раскрыв пасть, медведь, добежав до преступного города на берегу моря, яростно взревел и мгновенно «вытоптал все ногами – никто не успел младенцев спрятать». Обезумевший от ужаса народ прыгал в пучину моря и там находил последний тайник. Все смешалось в руинах, «и друг упал с недругом своим» [2].

Было ли случайным обращение поэта к старинной крымской легенде о происхождении горы Аюдаг? Или случайный финал поэмы? Очевидно – нет. Слишком прозрачным видится автору конец вакханалии 30-х. Не случайным является и то, что стихотворение «Кошмар» и поэма «Медведь-гора» написаны одинаковым размером – терцинами. Если продолжим аналогии Данте «Ад», то убедимся в близости замыслов обоих художников. Известно, что на время ареста М. Драй-Хмара завершил перевод бессмертного произведения Алигьери. Выбор именно в те времена произведения для перевода, очевидно, не случаен.

В парадигме адской сущности суток М. Драй-Хмара рисует реальный и знаковый мир, который потерял качества человеческого, превратился в нечто пугающе ирреальное, страшное и непонятное, не является миром живых – стал страшнее ада. Ведь в нем погибают праведные, а беззаконные пока наслаждаются на пиру саганы. Но они обречены, ибо сила правды неистребима и вечная. Она предстанет из руин и обновит мир. Жаль только, что погибающие чудовища его затравят, затопят вонью бездуховности. И долго еще придется воскресшим праведным искать свой Арарат и выглядывать голубку с пальмовыми ветвями. Если принять во внимание, что и образ Арарата нашел свое отражение в одном из стихотворений М. Драй-Хмары («Под голубиной весенней»), где лирический герой, как Ной библейский, ждет голубку, то поймем окончательно картину настоящей авторской рецепции тогдашнего мира как общественного замкнутого пространства в его художественно-образной модели.

Таким образом, художественный мир поэзии Михаила Драй-Хмары действительно многокрасочный. Поэт, рисуя образы своих лирических героев в реальном мире, использует разные цвета, и как бы не хотелось выйти на первый план цветам темным – обладателям пасмурного изображения эпохи 30-х годов – в его трагической судьбе преобладают цвета светлые. Именно они освещают жизненную энергию поэта, яркий свет которой доходит до наших дней.

Литература

1. Ващенко Г. Український ренесанс ХХ століття. – Торонто, 1953. – 108
2. Драй-Хмара Михайло. Вибране / Упорядкування Дмитра Паламарчука, передмова Іван Дзюби, примітки Григорія Кочура. К.: Дніпро, 1989. – 542 с.
3. Петров В. Діячі української культури – жертви більшовицького терору. – К., 1992.
4. Історія української літератури ХХ ст.: У 2-х кн.. – Кн 1.Ч.1 : 1910–1930-і роки: Навч. Посібник / За ред.. В.Г.Дончика. – К.: Либідь, 1993. – 784 с.
5. Шерех Юрій. Літ Ікара (Памфлети Миколи Хвильового) // Юрій Шерех. Пороги і запоріжжя. Література. Мистецтво. Ідеології. Три томи. – Харків: Фоліо, 1998.– Т.2.– С. 136- 184.